

Воскресенье, 12 декабря 1937 г., № 57 (403)

Я всей душой с большевиками

12 декабря я пойду к избирательной урне, неся в своем сознании ряд мыслей о жизни — моей и народа моего. Я снова вспомню о прошлом, чтобы прославить настоящее. Детство мое было тяжелым. Я был в семье «лишним ртом». Моя мать работала прислугой в семье обедневших помещиков. Я собирался стать железнодорожным машинистом. Уже сдал экзамен на звание помощника машиниста и неоднократно выезжал на линию, управляя паровозом. Но на меня, юношу, обратил внимание великий Антон Рубинштейн. С тех пор моя жизнь посвящена искусству, музыке.

Люди называют музыку «стихией», но в действительности музыка в корне противоположна понятию хаоса. Музыка представляет начало порядка. Музыка властно влияет на человеческое сознание.

Мне вспоминается, как однажды во время спектакля «Хованщина» к нам за кулисы Ленинградского театра оперы и балета зашел незабвенный Сергей Миронович Киров. Улыбаясь своей застенчивой, лучезарной улыбкой, он сказал мне:

— Как чудесно связываются у вас во время пения слово и жест, звук и телесное движение. Наблюдая поведение оперных певцов на сцене, я думал о том, как близко само искусство музыки человеческому сознанию.

Когда я впервые прочитал текст Сталинской Конституции, я подумал: Сталинская Конституция, как солнце, дает каждому человеку то, без чего невозможно его человеческое существование, — право на труд, на образование, на отдых, на обеспеченную старость. Казалось бы, это так просто.

Но в этом-то весь смысл, величие и прелесть нашей социалистической Конституции — она кажется нам такой простой, и мы не можем себе представить, как бы мы без нее жили. А сотни миллионов трудящихся в капиталистических странах и по сей день обречены на мучительное существование эксплуатируемых и обездоленных. Они могут только мечтать о счастье, уже завоеванном нашей родиной.

Я несколько раз на своем веку был свидетелем выборов в представительные учреждения России. Но я спрашиваю себя — как же происходили эти выборы в Государственную думу, в городские самоуправления и т. д., и не могу себе ответить, не помню. Это не было событием в моей жизни художника. Как и тысячи других «служителей муз» в старой России, я не связывал с этими выборами никаких надежд. Большая часть актеров, певцов, музыкантов была просто лишена права избирать; те же, кто имел это право, не всегда им пользовались.

Я вспоминаю один эпизод, свидетелем и участником которого мне довелось быть 20 лет назад. К нам, на спектакль, в тогдашний Мариинский театр, пришли балтийские матросы. Спектакли в те дни часто сопровождался митингами, выступлениями большевистских ораторов и докладчиков. Вовлеченные прослушанной речью и музыкой, слушатели, быть может, впервые посетившие столичный оперный театр, заходили к нам за кулисы и буквально засыпали нас вопросами — о композиторе, авторе прослушанной оперы, о системе управления театром, о материальном и общественном положении актера, о том, как учиться петь и играть, и, наконец, самое главное о том: «С кем же вы, артисты, в эти дни жестокой гражданской войны?». Еще задолго до того, как Алексей Максимович Горький сформулировал свой вопрос: «С кем же вы, мастера культуры», — мне был вложен задан этот вопрос одним из многочисленных балтийцев, приходивших к нам в артистические уборные. Вспоминаю блеск его глаз, радостную улыбку, мощное пожатие его руки, когда я ему сообщил, что я всей душой с большевиками.

Для нас, людей музыки и оперного искусства, Великая Октябрьская революция знаменовала собой начало борьбы за освобождение художественных сокровищ от пылающего, от удушливого плена антикультурной аристократии и мещанства. В первые же дни советской власти, в дни опубликования первых законов о земле, мире, переходе всей власти к рабочим и крестьянам, мы окрылялись надеждами и зажигались пафосом, немислимым в иные времена и в иных условиях.

В один из первых месяцев Октябрьской революции я осуществил постановку моцартовской оперы «Свадьба Фигаро». Как удар бича по всем остаткам разложившейся придворной аристократии, прозвучал этот спектакль. Русская аристократия и театральная бюрократия очень редко допускали эту оперу на русскую сцену. Моцарт не был в фаворе в дореволюционной России. Не пользовался симпатиями столичной публики и Бетховен. Лишь после Великой пролетарской революции стала мыслимой столь мощная пропаганда творчества этого величайшего музыканта всех времен и народов. Поистине победное шествие по нашей стране совершает гениальный Людвиг ван Бетховен. Его музыка звучит не только в центральных столичных залах, она доходит до самых заброшенных «медвежьих углов». Десятки миллионов граждан нашей страны — людей труда и борьбы — знают и любят творчество этого композитора.

Как изменилась у нас аудитория оперного театра. Нет больше той фешенебельной публики, которая являлась в театр, как на «гала-представление», с единственной целью блистать своими бриллиантами и туалетами. Происходящее на сцене было в высшей степени безразлично этой публике. Нужно ли говорить о том, как безразлично и тяжело было петь и играть подлинному художнику-артисту перед такой аудиторией. На балет эти «ценители» являлись, как эротоманы на выставку прекрасных женщин. Как глубоко это оскорбляло наших актрис.

Я помню, как во время посещения музея «Брера» в Милане меня поражало обилие иностранных туристов. Я спрашивал себя, где же сами миланцы, где представители итальянского народа, сыны которого создавали эти бессмертные произведения искусства и для которых, казалось бы, эти картины и скульптуры созданы? Но я их не видел.

Глядя на сотни рабочих, колхозников, красноармейцев, служащих, которые образуют привычную аудиторию наших театров и концертов; глядя по временам на огромные «хвосты», выстраивающиеся к кассам нашего Эрмитажа и Русского музея, я говорю себе:

— Значит, не напрасны были твои надежды и восторги. Искусство в моей родной стране раскрепощено и стало достоянием всего народа.

Бессмертные слова Пушкина о священном союзе меча и музыки вспомнились мне в начале 1921 года.

Для аудитории красноармейцев и матросов, которым предстояло на следующее утро идти по балтийскому льду на штурм кронштадтских фортов, в бывшем Михайловском театре был дан спектакль «Фенелла» Обера. Я исполнил роль Мазаниелло — рыбака-революционера, призванного народ своими зажигательными речами к свержению антинародного правительства в Неаполе. Я пел, и после моего пения в антракты ко мне в уборную заходили бойцы Красной Армии и жали мне руку. Они говорили мне, что и завтра, в момент боя, в их ухах будут звучать слова и музыка арии Мазаниелло, зовущей к борьбе. На следующее утро они ушли на фронт.

Когда я спрашиваю себя, какая же роль, ария или песня, из исполненных за всю мою артистическую жизнь, доставила мне наибольшее моральное удовлетворение, то, вспоминая свое выступление в дни кронштадтского восстания, не раздумывая, отвечаю: ария Мазаниелло. В этой арии мои чувства певца и пафос гражданина были слиты воедино.

И с тех пор они фактически едины всегда и непрерывно. Работая в качестве актера или в качестве музыкального педагога, я чувствую себя прежде всего свободным гражданином, который по мере сил своих трудится на благо социалистического общества. Простые слова, но какой сокровенный, неизменный предыдущим поколениям моего народа, смысл таится в них. Я уже стар и мне мечтать навряд ли уж дозволено, но если бы меня спросили, о чем моя мечта, я бы сказал:

— Если наступит день, когда мужественные сыны моего народа должны будут с оружием в руках отразить врага, посягнувшего на священную землю моей родины, я хочу снова спеть арию Мазаниелло из оперы «Фенелла». Я хочу еще раз услышать слова о том, что и во время боев в их ухах будут звучать эта мужественная песня рыбака.

Буржуазные художники пытаются оклеветать искусство, утверждая, что будто бы под грохот орудий музы молчат. Это ложь! Вдохновенные музы всегда сопровождают человека, когда он идет на ратный подвиг во имя высоких целей служения народу. Тогда музы незримо присутствуют рядом с бойцами и ткнут бессмертную ткань их победы и славы. Назначение музыканта, который знает, насколько близка музыка самой природе человека, — в дни решающих боев за торжество социализма быть рядом с человеком винтовки и меча.

12-е декабря—это день всенародного голосования и выборов в Верховный Совет; это день единения всех народов Союза вокруг любимого вождя Иосифа Виссарионовича Сталина. С тем же единением и с тем же пафосом, с той же верой, с которыми мы идем к избирательным урнам, мы все, работники станков и тракторов, служители муз и учителя, ученые и писатели, поэты и певцы, готовы встать под боевые знамена, если родина потребует этого.

И. В. ЕРШОВ,
народный артист РСФСР.